

DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-210-220

УДК 930.85

ΒΥΖΑΝΤΙΝΗ ΤΑΞΙΣ И РУССКАЯ ПОЧВА¹

Еманов Александр Георгиевич

Тюменский государственный университет,

Тюмень, Россия

a.g.emanov@utmn.ru

Аннотация. Отвечая на вопросы дискуссии о византийском наследии в России, в качестве сущностной основы византизма мы выделяем идеологему «τάξις» («таксис», порядок, правильный строй, совершенное устройство государства и общества). Целью работы является выявление основных признаков такого порядка – прямое народоправство, верховный суверенитет народа, моральный авторитет правителя как радетеля за общее благо, справедливость, как защитника слабых; установление их соответствий в реалиях русского мира – народное общинное устройство, соборность, самодержавие, самостоятельность и самоуправление региональных и локальных сообществ. Новизну исследования составляет наблюдение о синтезе византийских и русских традиций навигации, о формировании особой гибридной практики навигации, легко адаптировавшейся к речным, озерным и морским условиям, южным и северным акваториям. Статья опирается на разнообразные византийские и средневековые русские источники; привлекаются «Изложение пасхалии» Зосимы Брадатого 1492 г., «Послание Великому князю Василию» Филофея Псковского старца 1524 г., «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» и др.

Ключевые слова: византизм, византийское наследие, византийский таксис, Зосима Брадатый, Псковский старец Филофей, Димитрий Годунов, град Китеж, Беловодье.

Цитирование: Еманов А.Г. Βυζαντινή τάξις и русская почва // Новое прошлое / The New Past. 2023. № 3. С. 210–220. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-210-220 / Emanov A.G. Βυζαντινή Τάξις and Russian Ground, in Novoe Proshloe / The New Past. 2023. No. 3. Pp. 210–220. DOI 10.18522/2500-3224-2023-3-210-220.

© Еманов А.Г., 2023

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-28-01592.

BYZANTINĒ TĀΞIS AND RUSSIAN GROUND¹

Emanov Alexander G.

Tyumen State University,
Tyumen, Russia
a.g.emanov@utmn.ru

Abstract. In order to answer questions put in the discussion concerning Byzantine heritage in Russia an ideologeme of “taxis”, the order, the right system, the perfect state’s and society’s constitution, as an essential basis of byzantinism is put forward. The paper aims to identify the traits of this order: the people’s rule and sovereignty, moral governor’s authority as the guardian of common good and the defender of the weak; to establish their correspondence to realities of the Russian world: the commonwealth’s organization, the conciliarity, the autocracy, the independence and self-government, regional and local communities. The novelty of the approach lies in the observation of the synthesis of the Byzantine and Russian traditions in navigating, on the formation of the special hybrid shipping’s practice successful adapted to rivers, lakes and seas. The article is based on the Byzantine and Russian sources; “Pascal canon” of the Metropolitan Zosima from 1492 year, the “Message to the Grand Duke Vasily” of the Elder Pskov Monastery Philotheus from 1524 year, the “Tale and punishment about the sacred town Kitezh”, and others are analyzed in details.

Keywords: Byzantinism, Byzantine heritage, Byzantine taxis, Zosima Bearded, Pskov elder Philotheus, Dimitry Godunov, town Kitezh, Belovodye.

¹ The research is funded by the Russian Science Foundation No. 23-28-01592.

Концепт «Византийское содружество», предложенный еще в 1971 г. профессором кафедры византологии Оксфордского университета Димитрием Оболенским (1918–2001) [Obolensky, 1971], стал достоянием мировой исторической науки. Однако его понимание весьма различается в западных и не сходных с западной интеллектуальных традициях.

Скажем, уже при переводе книги английского ученого, мыслившего в категориях Британского содружества как некоего образца, на русский язык появилась конъюктура «содружество наций» [Оболенский, 1998], вынося на первый план проблемы национальных идентичностей тех территориальных сообществ, которые оказались под религиозным, политико-правовым и культурным влиянием Византийской империи.

Профессор департамента классической филологии Чикагского университета Энтони Кальделлис заявляет об отсутствии у византийцев осмысленной доктрины экуменизма и, стало быть, даже проблесков идеи панконстантинопольского содружества; единственное, что отыскивалось в сочинениях византийских интеллектуалов, это — унаследованный от Рима шовинизм [Kaldellis, 2013, p. 46].

Профессор факультета истории искусств Колледжа свободных искусств и социальных наук ДеПол в Чикаго Елена Бёк обращает внимание на слишком разнонаправленные векторы социокультурного обмена между Византией и народами Балкан, Причерноморья и Руси, исключительно сложную динамику развития стран Восточной Европы и Кавказа, что говорить о возможности формирования единого образа их существования — невозможно [Voesk, 2015, p. 11].

Директор Института общественных и гуманитарных наук имени Эрмарта Виттенбергского университета Кристиан Раффеншпергер предпочитает заявлять не о содружестве, а о «византийском идеале», которому следовали народы, даже враждебно настроенные к Византии, как болгарские ханы, а затем и цари, несмотря на длительную борьбу с Византией, равно как и сербские цари, претендовавшие на титул «василевса ромеев», и даже османские султаны, титуловавшие себя «кайсер-и Рум», как Мехмед II, штурмом взявший Константинополь [Raffensperger, 2017].

Президент Общества друзей Афонской горы Грэм Спик отвергает бесспорное превосходство Византийской империи, высший авторитет Константинополя и исключительно маргинальное положение периферии; напротив, он утверждает духовное превосходство провинции, в особенности монашеских общин Афонской горы, и если можно выявить какое-то содружество в циркумвизантийском мире, то оно могло быть только «афонским» [Speak, 2018, p. 5–6].

То есть в целом можно говорить о сдержанном переосмыслении этого идейного конструкта в последние годы.

Уровень самостоятельности России в отборе и оценке византийского достояния, адаптировавшегося к запросам российского общества определенного этапа его развития, сегодня видится гораздо выше, нежели еще четверть века назад.

И все же, действительно, российская интеллектуальная культура сохранила невероятное богатство концепций «византийского наследия» [Корневский, 2021, с. 9–23; 2022, с. 214–233]. Здесь – и идеи митрополита Московского Зосимы Брадатого конца XV в. [Зосима, 1492, с. 49–50] о царе Иване III как новом Константине, и о Москве как новом Константинополе, и осознанная градостроительная программа преобразования столицы того же царя, строительства нового кремля как резиденции самодержца, закладки Красной площади как места меморизации наиболее значимых побед правителя, возведения Спаских врат как триумфальной арки государя-победителя над врагами ортодоксии. Здесь – и прозрения старца Псковского монастыря Филофея первой четверти XVI в. [Филофей, 1524, с. 283] о Московии как новом Третьем Риме и о Московском царе как правителе всех православных христиан, и формула «Москва – Третий Рим» в «Псалтири» Дмитрия Годунова конца XVI в. [Псалтирь, 1594, л. 4], и «греческий проект» Екатерины II [Екатерина II, 1782, с. 290–291] отвоевания Стамбула у турок, восстановления Константинополя, Византии и возведения на трон ее внука Константина. Здесь – и западническая, и славянофильская версии «византийского наследия» в судьбах России. Странники первой, как Петр Чаадаев [Чаадаев, 1906, с. 12], его клянут за деспотизм правителя и рабство подданных, за косность жизни и чуждость развитию, за непреодолимую бюрократию и растленность разума, за то, что Россия, приняв греческое вероисповедание, поставила себя вне Запада и Востока, вне развития цивилизации и культуры. Последователи второй, как Федор Тютчев [Тютчев, 1868, с. 125, 128–129], превозносят его за чистоту веры, высоту морального долга правителя как защитника всех славян, за то, что Россия, восприняв византийское духовное строение, оказалась единственной, способной противостоять демоническому давлению как Запада, так и Востока. Здесь – и развернутые историософские конструкции византизма как особого типа культуры, которому принадлежала Россия и который определяли православие, самодержавие, народное общинное устройство и консерватизм, как у Константина Леонтьева [Леонтьев, 1876], или византизма как пагубы мира от упоения самодержавной властью, безволия церкви, пассивности и рабского смирения масс, как у Владимира Соловьева [Соловьев, 1896]. Между этими крайними полюсами размещалось широкое поле углубленной метафизической рефлексии Павла Флоренского [Флоренский, 2001, с. 460], Сергия Булгакова [Булгаков, 1993], Георгия Флоровского [Флоровский, 1937] о византинизме как идеале, равновесии между общим и частными интересами, не покорении мира, а служении ему, чему Россия оказалась не в силах соответствовать, по сути, изменила этому призванию свыше.

Почему же столь интенсивно продуцировались все новые и новые доводы «за» и «против» «византийского наследия» в русской интеллектуальной культуре? Дело в том, что только русский мир оказался способным адаптировать основу основ византинизма, то, что византийскими интеллектуалами определялось понятием «τάξις» («таксис», то есть правильный строй, справедливый порядок, совершенное устройство государства и общества) [Епанов, 2005, р. 82]. Его характерными признаками были шедшие от античного прошлого традиции прямого народоправства,

непосредственного участия народа в делах общества, убеждение в верховном суверенитете народа, в том, что «*Vox populi vox Dei est*»; представления о государе как лучшем гражданине, избранном народом за его моральное превосходство, высокие нравственные качества, способность возвыситься над личными и групповыми пристрастиями и действовать в интересах общего блага. Такой порядок осмыслялся как построение «воинства Христова» во главе с помазанником Божиим – императором ради завоевания Царствия Божия. Самодержец воспринимался агонотетом, третейским судьей, разбиравшим по справедливости споры между подвластными народами; он был филантропом, заботившемся об образовании, здравоохранении, попечении стариков. Во времена Ивана IV Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, когда в состав России вошли бескрайние земли Сибири, все эти принципы вполне проявлялись в роли Земских соборов, церковной соборности, в приобщении к управлению авторитетных лидеров всех подвластных народов, в особой роли правителя, призванного защищать слабых, брать под свою опеку всех беззащитных, всех обездоленных. России удалось достичь того, чего не смогли добиться ни Римская, ни Византийская империи – адаптировать в свой состав на равных кочевые и полукочевые народы, уральцев, тюрков, угров, самодийцев, алтайцев, монголов и др. По мере роста национального самосознания на периферии русского мира: у народов Центральной Азии, Кавказа, Крыма, Юго-Восточной Европы, Балкан, Пелопоннеса, Балтии – возникло естественное стремление искать защиты от подавлявших их геополитических сил, Османской и Габсбургской империй, именно у России. Российские правители, даже самые значительные, не всегда соответствовали этому призванию, отмеченному идеалу. Петр I Великий отказался от самого значимого принципа совершенной империи – формирования войска исключительно из числа свободных: именно он начал рекрутировать в армию крепостных, с чем в повседневную армейскую жизнь вошли телесные наказания, публичные порки, отмененные только в ходе Революции 1917 г.; он создал чрезмерный бюрократический аппарат, чем способствовал чудовищной коррупции, устранил региональное и локальное разнообразие, введя начала чиновничьей унитарности и стандартизации, отменил соборность и автономию церкви. Александр I вообще отказал в помощи грекам, сдал православную Галицию Габсбургам. То есть сами менявшиеся политические реалии в поствизантийском, циркумроссийском пространстве XIX–XX вв. делали актуальными все новые и новые реинтерпретации византийского наследия.

Мысль профессора кафедры балканской и русской истории Эдинбургского университета Бенедикта Самнера о пяти дарах Византии, предоставленных России [Sumner, 1943, p. 168], получила в свое время широкое признание. Сегодня их понимание видится заметно тоньше. Как будто Русь приняла те же догмы и те же каноны, что были действительны в Византии, но они стали пониматься и толковаться иначе [Griffin, 2019]. Литургия с самого начала была переведена со среднегреческого языка на церковнославянский, и сам перевод способствовал непониманию, казалось бы, привычных фраз. Церковнославянская «Библия» включала «Третью книгу Ездры», каковой не было в византийской «Септуагинте», но не содержала «Четвертой книги Маккавеев»,

почитавшейся византийцами. Не удивительно, что стали утверждаться иные церковный праксис, ритуалы, отправления таинств, отношение священников к мирянам. В России из-за особенностей климата не могла прижиться сиеста; по той же причине были заведены подставки для свечей перед иконами, свечные лавки размещены в храмах; литургия была заметно длиннее, не обставлялась стасидиями (креслами) для игуменов, певчих, других участников службы, требовала большей выносливости; крестный ход был скромнее, ограничивался обходом вокруг храма, обходился без сожжения чучела Иуды. Считалось особым украшением литургии пение хора женщин, что было неприемлемо в Византии. Русские священники носили более дорогие, усыпанные драгоценными камнями кресты, практиковали сборы пожертвований в ходе богослужения. Отличалась и священническая одежда, она была более теплой в зимний сезон, камилавки были без полей, ярких цветов – красного, фиолетового и синего, тогда как в Византии – только черного. Митрополит считался выше архиепископа, тогда как в Византии наоборот.

Нормы византийского права так и вовсе не были заимствованы в России [Чемринская, 2004, с. 4]; можно говорить лишь об их косвенном влиянии, поскольку в ходе перевода они активно перерабатывались и изменялись до неузнаваемости, приспособляясь к региональным и локальным обычаям.

Касательно роли византийского наследия в формировании русского искусства бытовали два диаметрально противоположных видения: согласно одному, Русь была глухой провинцией Византии и слепо копировала ее образцы; согласно другому, Русь была достаточно эмансипирована от Византии и способна была выработать свое собственное искусство [Beamfield, Velimirovic, 1991]. На деле, имели место разнонаправленные тренды: как схождения, так и расхождения, как разрывов контактов, так и их восстановления, живого отклика на одни явления искусства и умолчания других. В X–XI вв. в княжеских центрах – Киеве, Чернигове, др. – наблюдалось активное воспроизведение византийских форм в архитектуре (нефы, хоры, паруса, нарфики, сводчато-купольные перекрытия, мозаики). Однако в XII–XIII вв. византийское влияние сходит на нет, утверждаются башнеподобные конструкции храмов, свойственные региональной архитектуре. В XIV–XV вв. были выработаны национальные русские столпообразные и шатровые формы храмовых построек. В иконографии византийский канон доминировал дольше, но и он стал затем перелицовываться так, что приобретал совсем иные краски и визуальные акценты.

Если же пытаться выделять иные сферы, где византийское влияние дало позитивные результаты, то следовало бы сказать о навигации. Речь идет о неocenенном синтезе опыта освоения водных пространств скандинавами, пришедшими на Восточно-Европейскую равнину под именем «русов», с византийской техникой мореплавания, в результате чего на основе византийских скафидионов, расширенных ботов, памфил, легких гребных судов, каравий, рыболовецких баркасов, акатий, удлиненных барок, моноксил, лодок-однодревок [Еманов, 2023, с. 1108] появились универсальные средства плавания по озерам, рекам, морскому мелководью и даже в открытом море. В них сочетались круглые конструкции корпуса, свойственные

судоостроительной технике русов, с уключинами для больших и тяжелых весел, рулями и румпелями, отличавшими корабельные технологии ромеев, квадратные паруса скандинавов с треугольными парусами византийцев. Такие суда могли ставиться на колесные рамы и переправляться из одной акватории в другую. То есть круглые суда с гибридной весельно-парусной оснасткой в зоне византийско-русского пограничья появились много раньше, нежели они стали доминировать в Средиземноморье в эпоху революции в навигации XIII в. К тому же они оказались пригодными для использования в водах с экстремальными ледовыми условиями.

Не стоит забывать, что вплоть до календарной реформы Петра I Россия жила по византийскому летосчислению от Сотворения мира. В России получили распространение способы расчета вечного календаря в форме «Руки Дамаскина», неосознанные элементы которых до сих пор используются по согнутой в кулак руке, по суставным косточкам и впадинам для определения месяцев в 31 и 30 дней.

Символы святых градов были весьма жизненны в России. Иерусалим – первый среди них. Неподалеку от Москвы, в Истре, патриархом Никоном в 1656 г. был основан «Новый Иерусалим» в виде Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, где были свои храм Гроба Господня (Воскресенский собор), горы Сион, Фавор, Вифания (женский монастырь), там были крипты Елены и Константина с копиями кресел матери основателя Византии и его самого, копии надгробных плит Адама, Мелхиседека, первого иерусалимского иерарха, освободителей Иерусалима от неверных в ходе Первого крестового похода, первых иерусалимских королей.

Но в русской культуре циркулировали и альтернативные мифы совершенных градов. И здесь надобно вспомнить не столько Киев или Владимир, сколько Китеж. Известна восходящая к XVII в. «Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже» [Повесть..., 1936], который сохранил свою чистоту и незапятнанность, погрузившись на дно озера Светлояр, скрывшись от нашествия монголов. Это было – совершенное, идеальное пространство, где торжествовали справедливость, свобода и полная гармония. Светлояр генетическая память русских отыскивала около Нижнего Новгорода. Должно быть, не случайно спасение России от бедствий смутного времени пришло из этого региона.

Русское сознание вообще стремилось к выходу за пределы сковывавших волю городов с их тесными границами крепостных стен, иерархией, разительным контрастом начальствующих и подчиненных, богатых и бедных. Еще более радикальной альтернативой всяким сакральным городам был миф о Беловодье, бескрайней земле, лежавшей на Востоке, за Уральскими горами, где наслаждались вольной жизнью сильные и самодостаточные люди. Та же генетическая память русских соотносила Беловодье с Сибирью. И именно эта земля дала спасителей от катастрофы первых пяти месяцев Великой Отечественной войны.

Мысль евразийцев о наследовании Россией не столько византийской, сколько зотоордынкой государственности, требует как минимум соотнесения со сложным

полиэтническим, мультикультурным контекстом эпохи. Русская полития, впрочем, как и золотоордынская, складывалась в пространстве Восточно-Европейской равнины, которую еще называют Русской, где в Средние века взаимодействовали самые разные этносы, самые разные языки и культуры: германские (русы), балтийские (литовцы), славянские (поляне, словены, кривичи, др.), иранские (аланы), финно-угорские (весь, меря, мурома, вятичи, др.), тюркские (хазары, болгары, кипчаки, татары), уральские, алтайские, монгольские. Каждый из них внес свою лепту в формирование исключительно богатой русской культуры. Русы принесли с собой начала княжеской власти, дружинной военной организации, нормы права, составившие ядро «Русской правды» с характерным принципом виры, типично германским, традиции круглого судостроения и навигации под квадратным парусом. Литовцы славились вышивкой. Славяне изобрели плуг, перенятый потом германцами, но под славянским словом «рflug», ткали лучшие льняные ткани. Финно-угры разработали множество способов рыбной ловли, охоты, бортничества. Аланы владели высокохудожественной обработкой металлов, техникой эмали, зерни, скани. Тюрки превосходили всех в коневодстве, в обработке кож, первыми стали использовать кроеную одежду, штаны, рубахи, пуговицы. Вклад монголов тоже нельзя недооценивать. С ними в русскую культуру вошли такие понятия, как «деньги», «таможня», «дорога» и др. Что касается государственности, то здесь, помимо славянского и северогерманского (скандинавского) наследия, сказались византийские и золотоордынские традиции. Скажем, русский титул «царь», конечно же, воспринят из Византии, от титулования «*каїсар*», а оно – от древнеримского «*caesar*». Однако «шапка Мономаха», головной убор царя, являлась произведением не византийского, а золотоордынского искусства [Еманов, 2022, с. 160–163]. Масштаб русской культуры отнюдь не умаляется, а, напротив, возрастает от признания как византийского, так и золотоордынского наследия. Какая доля оказалась более весомой? Историческая наука не знает весов, позволяющих их измерить.

В целом византийское наследие на протяжении веков активно воспринималось в русской среде, интенсивно перерабатывалось, адаптировалось, выверялось в соответствии с традициями самых различных народов российского мира, с запросами региональных и локальных сообществ. Оно служило и служит для осознания особого статуса и назначения России в глобальной истории.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Булгаков С. У стен Херсониса. Санкт-Петербург: Дорваль; Лига; Гарт, 1993. 160 с.

Екатерина II [Императрица и Самодержица Российская]. Письмо Иосифу II [Императору Священной Римской империи]. [Санкт-Петербург], 10 сентября 1782 // *Русский архив*. 1880. Кн. I. С. 281–291.

Еманов А.Г. Небесный Иерусалим, или Вавилон: выбор судьбы средневековой Кафы / Феодосии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 734 с.

Еманов А.Г. Рóсия и циркумросская политосфера X в. // *Questio Rossica*. 2023. Vol. XI. № 3. С. 1101–1110.

Зосима, Московский митрополит. Изложение пасхалии [1492]. Текст, пер., комм. И.А. Тихонюк // *Исследования по источниковедению истории СССР XIII–XVIII вв.* Москва: Ин-т ист. СССР АН СССР, 1986. С. 45–62.

Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // *Исторический курьер*. 2021. № 6(20). С. 9–28.

Кореневский А.В. Идеологема отложенного спроса, или сколько раз «изобретали» теорию «Москва – Третий Рим»? // *Исторический курьер*. 2022. № 4(24). С. 214–233.

Леонтьев К. Византизм и славянство. Москва: Имп. Об-во ист. и древностей российских при Московском ун-те, 1876. 132 с.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. Москва: Ладомир, 1998. 655 с.

Повесть и взыкание о граде сокровенном Китеж. Текст, пер., комм. В.Л. Комаровича // *Комарович В.Л. Китежская легенда: опыт изучения местных легенд*. Москва; Ленинград: АН СССР, 1936. С. 167–173.

Псалтирь лицевая Д.И. Годунова. Москва, 1594. 474 л.

Соловьев В. Византизм и Россия // *Вестник Европы*. Санкт-Петербург, 1896. Г. XXXI. Т. II. № 4. С. 787–808.

Тютчев Ф. Стихотворения. Москва: Типогр. А.И. Мамонтова, 1868. 255 с.

Филофей, Псковский старец. Послание Великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блюде [1524]. Подгот. текста, пер. и комм. В.В. Колесова // *Библиотека литературы Древней Руси*. Санкт-Петербург: Наука, 2000. Т. IX. С. 283–287.

Флоренский П. Православное христианство и культ. Москва: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 665 с.

Флоровский Г. Кризис русского византизма // *Пути русского богословия*. Париж: Утса-Press, 1937. С. 1–29.

Чаадаев П. Философические письма. Казань: Типогр. Д.М. Иран, 1906. 74 с.

Чемеринская В.В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство X–XVII вв.: опыт сравнительного анализа: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Моск. гос. юрид. акад., 2004. 26 с.

Beamfield W., Velimirovic M. *Christianity and the Art in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 266 p.

Boeck E. *Imagining the Byzantine Past: the reception of History in the illustrated Manuscripts of Skylitzes and Manasses*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 314 p.

Emanov A. Les paradigms de la culture byzantine et la Russie post-byzantine // *Chroniques slaves*. Grenoble. 2005. № 1. Pp. 81–90.

Griffin S. *The liturgical Past in Byzantium and Early Rus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 133 p.

Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 304 p.

Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.

Raffensperger Ch. *Portraits of Medieval Eastern Europe, 800–1300*. New York: Routledge, 2017. 234 p.

Speak G. *A History of the Athonite Commonwealth: the spiritual and cultural Diaspora of Mount Athos*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 294 p.

Sumner B.H. *A short History of Russia*. New York: Reynal and Hitchcock, 1943. 469 p.

REFERENCES

Bulgakov S. *U sten Khersonisa* [At the Walls of Chersonis]. St.-Peterburg: Dorval'; Liga; Gart, 1993. 160 p. (in Russian).

Ekaterina II [Imperatriza i Samoderzhitsa Rossiyskaya] [Empress and Sovereign of Russia]. Pis'mo Iosifu II [Letter to Joseph II] [Imperatoru Svyatschennoy Rimskoy imperii] [To the Holy Roman Emperor]. [St.-Peterburg], 10 sentyabrya 1782, in *Russkiy arkhiv*. 1880. Kn. 1. Pp. 281–291 (in Russian).

Emanov A.G. *Rosia i zircumrosskaya politosfera* [Rhosia and circumrhosian polytosphere X century], in *Questio Rossica*. 2023. Vol. XI. No. 3. Pp. 1101–1110 (in Russian).

Emanov A.G. *Nebesny Ierusalim ili Vavilon: vybor sud'by srednevekovoy Kafy / Feodosii* [The celestial Jerusalem or the Babylon: the Fate of medieval Caffa's / Feodosia's]. St.-Peterburg: Aleteya, 2022. 734 p. (in Russian).

Zosima, Moskovsky mitropolit [Moscow Metropolitan]. Izlozhenie paskhalii [Pascal Canon] [1492]. Text, transl, comm. I.A. Tikhonyuk, in *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii SSSR XIII–XVIII vekov*. Moscow: Institute of USSR's History at Academy of Sciences USSR, 1986. Pp. 45–62 (in Russian).

Korenevskiy A.V. Ideologema otlozhennogo sprosa, ili skol'ko ras "izobretali" teriyu "Moskva – Tretiy Rim"? [The ideologeme of deffered Demand, or how many Times the Theory of "Moscow as the Third Rome" was "invented"?], in *Historical Courier*. 2021. No. 6(20). Pp. 9–28

Korenevskiy A.V. Ideologema otlozhennogo sprosa, ili skol'ko ras "izobretali" teriyu "Moskva – Tretiy Rim"? [The ideologeme of deffered Demand, or how many Times the Theory of "Moscow as the Third Rome" was "invented"?], in *Historical Courier*. 2022. No. 4(24). Pp. 214–233 (in Russian).

Leontyev K. *Vizantizm i slavyanstvo* [Byzantism and Slavism]. Moscow: Imperial Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University, 1876. 132 p. (in Russian).

Obolensky D. *Vizantiyskoe sodruzhestvo naziy. Shect' vizantiyskikh portretov* [The Byzantine Commonwealth of Nations. Six Byzantine portraits]. Moscow: Lodomir, 1998. 655 p. (in Russian).

Povest' i vyzskanie o grade sokrovennom Kitezhe [Tale and punishment about the sacred town Kitezhe]. Text, trans., comm. by V.L. Komarovich, in Komarovich V.L. *Kitezjskaya legenda: opyt izucheniya mestnykh legend* [The Kitezhe Legend: Experience of studying local legends]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences USSR, 1936. Pp. 167–173 (in Russian).

Psaltyr' litsevaya D.I. Godunova [Face Psalter by D.I. Godunov]. Moscow, 1594. 474 l. (in Russian).

Solovyev V. Vizantizm i Rossiya [Vizantism and Russia], in *Vestnik Evropy*. 1896. An. XXXI. Vol. II. No. 4. Pp. 787–808 (in Russian).

Tyutchev F. *Stikhotvoreniya* [Poetry]. Moscow: Typograph of A.I. Mamontov, 1868. 255 p. (in Russian).

Philotheus. *Poslanie Velikommu knyazyu Vasiliyu* [Message to the Grand Duke Vasily] [1524]. Text, trans. and comm. by V.V. Kolesov, in *Bibliotheca of Literature of Old Russia*. St.-Peterburg: Science, 2000. Vol. IX. Pp. 283–287 (in Russian).

Florenskiy P. *Pravoslavnoe khristianstvo i kult* [Orthodox Christianity and Cults]. Moscow: AST; Kjarokv: Folio, 2001. 665 p. (in Russian).

Florovskiy G. Krisis russkogo vizantinizma [The Crisis of Russian Byzantinism], in *Puti russkogo bogosloviya*. Paris: Ymca-Press, 1937. Pp. 1–29 (in Russian).

Chaadaev P. *Filosoficheskie pis'ma* [Philosophical letters]. Kazan: Typograph D.M. Iran, 1906. 74 p. (in Russian).

Chemerinskaya V.V. Vliyanie vizantiyskogo prava na drevnerusskoe i rossiyskoe zakonodatelstvo X–XVII vv.: opyt sravnitel'nogo analiza [Influence of Byzantine Law on Old Russian and Russian Legislation of 10th–17th Centuries: Experience of comparative Analysis]: thes. Moscow: Moscow State Law Academy, 2004. 26 p. (in Russian).

Beamfield W., Velimirovic M. *Christianity and the Art in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 266 p.

Boeck E. *Imagining the Byzantine Past: the reception of History in the illustrated Manuscripts of Skylitzes and Manasses*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 314 p.

Emanov A. Les paradigms de la culture byzantine et la Russie post-byzantine, in *Chroniques slaves*. 2005. No. 1. Pp. 81–90.

Griffin S. *The liturgical Past in Byzantium and Early Rus*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 133 p.

Kaldellis A. *Ethnography after Antiquity: Foreign Lands and Peoples in Byzantine Literature*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2013. 304 p.

Obolensky D. *The Byzantine Commonwealth: Eastern Europe 500–1453*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 445 p.

Raffensperger Ch. *Portraits of Medieval Eastern Europe, 800–1300*. New York: Routledge, 2017. 234 p.

Speak G. *A History of the Athonite Commonwealth: the spiritual and cultural Diaspora of Month Athos*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 294 p.

Sumner B.H. *A short History of Russia*. New York: Reynal and Hitchcock, 1943. 469 p.

Статья принята к публикации 14.08.2023